

К 70-летию со дня рождения
Рачия Нерсисяна

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

САНТА Лючия, Санта Лючия...
Голос рождается где-то в недрах души. Глубокий, неповторимый. Так может напевать только простой неаполитанский рыбак в краткие минуты передышки, после дьявольски тяжелой работы на море.

— Рачия Нерсесович, вы очень устали. Вам надо отдохнуть.

— Успею. Вот только кончится съемка. Потом репетиции. — И с улыбкой добавляет: Еще записи по радио. И поеду отдыхать. На Капри. Синие скалы, море...

Последние слова он произносит задумчиво, чуть-чуть мечтательно. И все-таки это просто слова. А ты уже видишь и нежный перелив волны, и подпернутую легкой дымкой даль.

На память приходит «Старик и море» Хемингуэя.

— Рачия Нерсесович, это же ваша роль!

— Гм, — слышится в ответ нерсисяновское характерное и немного загадочное покашливание.

Потом на экране появляется «Старик и море». Спенсер Тресси великолепный актер. Но у него нет нерсисяновской мощи, и самое главное — нерсисяновских глаз. Безбрежных, как море.

— А какую роль вы хотели бы сыграть на сцене?

— Не знаю. Вот «Перед заходом солнца», — и добавляет со смущением, — конечно, если пригласят...

В пьесе Сарояна «В горах мое сердце» есть очень трудное место. Это, когда старик Мак-Грегор читает монолог короля Лира. В спектакле в этом месте игра Рачия Нерсисяна достигает потрясающей силы.

— Да, это трудно, — говорит он, — роль в роли.

Ты домаешь себе голову, пытаешься разобраться, как он это делает.

— Вы читаете монолог короля Лира так же, как если бы вы сыграли его в пьесе Шекспира?

— Ни в коем случае! Я играю Мак-Грегора. Он может быть плохим актером. Но он замечательный человек. Я играю человека...

В это время прибегают запыхавшийся кинорежиссер.

— Рачия Нерсесович, прощу на съемку!

И артист торопливо, на ходу глубоко затягиваясь папиросой, идет на съемочную площадку. И снова съемка, снова репетиции, снова сцена. И работа, работа, несмотря на смертельную болезнь, которая уже подтачивает организм.

Но он знает, даже кратковременное его появление на экране вызовет огромную радость зрителей и скрасит горечь от порой неудачного фильма. Зритель ждет. И он играет...

Вот завершён фильм «Из-за чести». Критики спорят. Кто он — Элизбаров, положительный или отрицательный герой? Какая чепуха! Ведь Элизбарова играет Нерсисян — значит, пред нами предстанет не носитель какой-то абстрактной идеи, а человек недюжинный,

сломленный духовно страшной социальной машиной. Нерсисян играет человека и восстает против темных сил, калечащих его душу.

Интересная деталь. Фильм везут в Москву на дубляж. Ищут дублера Рачия Нерсисяну. Ищут долго. Приходят артисты. Известные. Вслушиваются в голос Нерсисяна. И... разводят руками. Это невозможно озвучить. Здесь говорит не один актер, а много. Какой нечеловеческий диапазон!

А потом он сам дублирует замечательного артиста Николая Симоню. Роль Монтанелли в «Оводе». Слышен бархатный необыкновенно выразительный голос Нерсисяна — Монтанелли. И артист не может сдерживать слез...

И есть шедевры, которые врезались в память всех зрителей нашей страны и далеко за ее пределами. Пепе — Рачия Нерсисян и его же Аюп Аюпян — коммунист, образ которого является непревзойденным на армянской сцене и экране.

Однако есть область, где Рачия Нерсисян показывает нам всю мощь своей колоссальной фигуры. Это сцена. Он здесь — царь.

В «Маскараде» Лермонтова Неизвестный всего лишь идея, мысль, но еще не человек. Режиссер и артист Сергей Герасимов попытался ее оживить. Мы видим в фильме «Маскарад» змеиный изгиб его губ, длинные пальцы, ехидную усмешку. Неизвестный оживает, но не совсем.

Но вот «Маскарад» на сцене театра имени Сундукяна. По портфере скользят нервные руки, обтянутые белыми перчатками. Нерсисяновские руки. И ты уже знаешь — сейчас произойдет трагедия. Спектакль окончен. И ты долго думаешь, — кто же здесь герой? И приходишь к неожиданному выводу — Неизвестный. Рачия Нерсисян.

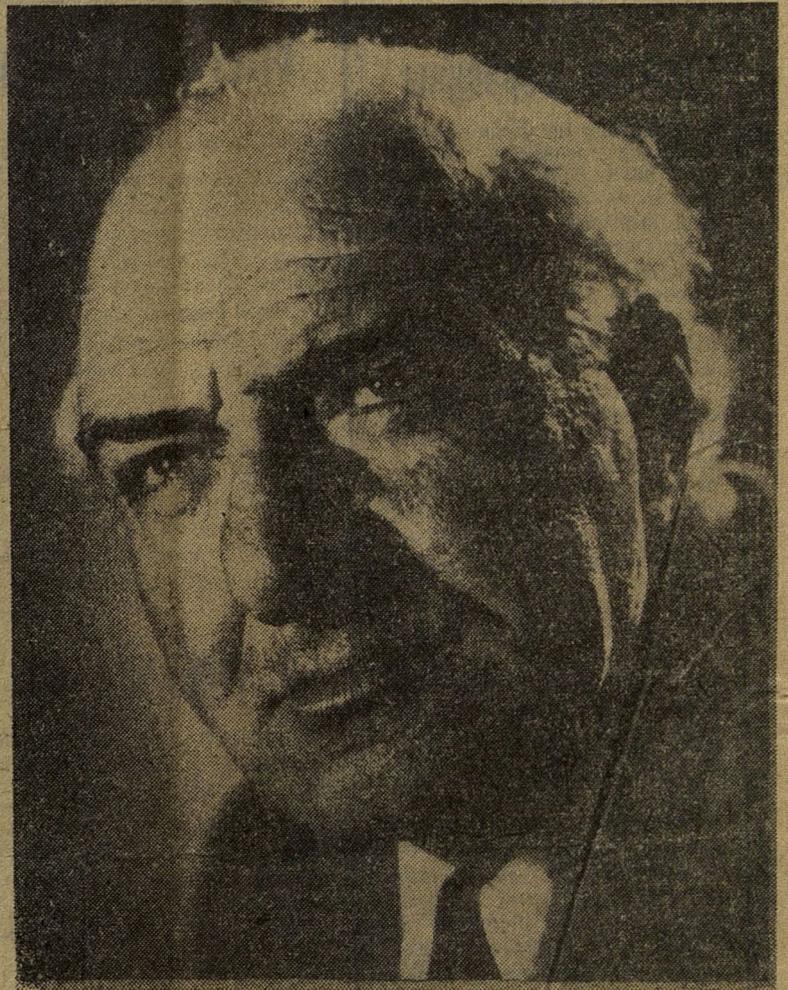
Отечественный и зарубежный театр знает многих Отелло — замечательных, талантливых, просто прекрасных. Но Рачия Нерсисян был самым человеческим.

В знаменитой сцене с платком Рачия Нерсисян произносит одно лишь слово — платок... платок. А какая боль, надежда, тоска истерзанного сердца в этом слове. Целый океан чувств.

В позапрошлом году в Ереван приехал после долгого перерыва известный киноартист Сергей Крючков. Перед съемками он ужинал в «Армении». И он никак не мог оторвать взгляда от крайнего пустующего столика в углу.

— Вы понимаете, уже нет старика. Старика уже нет. Вы знаете, какой это был великий артист. Второго такого не будет...

Рачия Нерсисян был человеком глубоко демократичным. Его искусство пользовалось подлинно народной славой. Когда он в своем синем габардиновом плаще, из кармана которого выглядывали «Юма-

ните», «Паэза сerra» и какая-то английская газета, в широкополой шляпе, высокий, шагал по улицам города, то шоферы такси сами останавливали машины, чтобы подвезти его до театра. И вдруг этот добрейший человек, отзывчивый к беде каждого, становился величественным и неприступным. Его голова старого мудрого льва кажется вытесанной из камня. А серые глаза становятся холодными, почти стальными.

Вот его знакомят с приезжей знаменитостью. Он протягивает руку и вежливо говорит: «Нерсисян». Называют имя знаменитости, долго перечисляют его титулы и ранги, занимаемую должность.

— Бывает, — говорит он. И в этом слове легкая ирония.

Он терпеть не мог юбилеев и никогда не отмечал их. Шумная слава никогда не интересовала его. И в этом отношении этот великий артист мало был похож на артиста.

Игра Рачия Нерсисяна почти не поддается анализу. Ее невозможно уложить в привычные схемы и рамки. Это какая-то стихийная сила.

Но было то, что находилось в самой глубине его существа, его феноменальной артистической индивидуальности, то, что было понятно каждому зрителю — необыкновенная человечность.

В. ШАХНАЗАРЯН.

36